

Кажарова Инна Анатольевна

АРХЕТИП ЖЕНЩИНЫ В СБОРНИКЕ СТИХОВ БЭЛЛЫ АБРОКОВОЙ "СЕРЕДИНА"

В статье исследуются аспекты преломления архетипа женщины на материале ряда поэтических произведений сборника Бэллы Аброковой "Середина". Интерпретация женщины-праматери осуществляется через звукопись, лексико-семантические и графические особенности рассматриваемых текстов, а также через синтез индивидуализирующих черт персонажей эпоса и исторических песен адыгов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 18-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.35.0

В статье исследуются аспекты преломления архетипа женщины на материале ряда поэтических произведений сборника Бэллы Аброковой «Середина». Интерпретация женщины-праматери осуществляется через звукопись, лексико-семантические и графические особенности рассматриваемых текстов, а также через синтез индивидуализирующих черт персонажей эпоса и исторических песен адыгов.

Ключевые слова и фразы: поэтический цикл; архетип женщины; женщина-праматерь; звукопись; звукообраз.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru*

АРХЕТИП ЖЕНЩИНЫ В СБОРНИКЕ СТИХОВ БЭЛЛЫ АБРОКОВОЙ «СЕРЕДИНА»

Творческое продвижение Бэллы Аброковой (1971), известного в Кабардино-Балкарии журналиста, от ранних художественных опытов к появлению отдельного сборника произведений оказалось долгим и вдумчивым. Ее первые рассказы стали появляться на страницах республиканской периодической печати в 1980-х, а в 2011 г. увидела свет первая книга Б. Аброковой – поэтический сборник на кабардинском языке «Середина» / «Купсэ». Издание включило в себя произведения, созданные в период с 1990 по 2010 гг.

Примечательно, что тексты, рождавшиеся на протяжении целого десятилетия, подчиняясь идейной целостности сборника, расположились в нем не в хронологическом, а в тематическом порядке, образуя подобие миниатюрных циклов, причем каждый из этих циклов представляет собой логическое продолжение предыдущего и переход к последующему. Примечателен также лексико-семантический аспект воплощения этой целостности, ведь «умение выбрать и использовать из огромного числа языковых единиц именно те, которые придадут произведению яркость и неповторимость, и составляет мастерство того или иного писателя, поэта» [5, с. 195]. Так, цепочка образов, озаглавившая циклы, – «Анэ гушцэ», «Гурыфыгыгуэ», «Гу псысэ», «Гурышцэ», «Гурыгыгу уз», «ГуИэфтешцэж» / «Глубь материнского сердца», «Надежда», «Сказки сердца», «Боль переживания», «Утешение напоследок» – имеет в корневой основе понятие «гу» / «сердце» и определяет направленность поэтического переживания во внутренний план бытия. В абсолютном большинстве случаев образ сердца, который фигурирует в сборнике «Середина», сопряжен с архетипом женщины. Семантика вневременности, всеохватности и жертвенности, которой наделена женщина в поэзии Б. Аброковой, дает нам право обозначить носителя этой образной доминанты именно как архетип. На некоторых аспектах преломления архетипа женщины в сборнике «Середина» мы намерены остановиться в данной статье.

Каждый уровень сборника апеллирует к аутентичному опыту родной культуры, знаком чего выступает и периодически возникающий образ старика-песнотворца / *Джэгуакъуэ*, и широко используемые аллитерации, характерные для адыгской народной поэзии, и неологизмы, построенные не по принципу калькирования иноязычных слов, а несколько непривычного на слух современника сращения лексем адыгского языка. В ряде случаев автор стремится воссоздать исконный дух и облик родной культуры через синкретическое мироощущение. Не последнюю роль играют в этом графика и звукопись. Так, озаглавившее сборник стихотворение «Середина», судя по всему, не случайно вынесено за пределы составивших его циклов. Оно открывает сборник и служит своеобразным звуковым и смысловым эпиграфом к его содержанию: «куПсэ». Графическое выделение звука «П» рождает эффект не только вслушивания, но и «вглядывания» в глубь понятия. Если во внутренней форме адыгского слова «середина» на слух легко определяются «ку» / «сердцевина» и «псэ» / «душа», то в графической интерпретации Б. Аброковой через это слово обнажается симметрия «сердцевины» / «ку» и человеческого «я» / «сэ». По ритмике и интонации стихотворение напоминает детскую загадку, но именно в этой «детскости», непритязательности ритма и кроется его мощная суггестивная энергия, предопределяющая смысловую направленность того, что будет разворачиваться в процессе ознакомления с последующими произведениями сборника: «Купкъым и кум купшцэ // ишцым, // Купшцэм и гум купсэ исым, // Купсэр кусэу уэрэ-сэрэ-м, // Уэ узи – Псэм, // Сэ сыуи – Бзэм // Сытым дэ дыхуэныкыуж?» [1, с. 3]. / «Если в середине (плодовой) косточки ядро // образуется, // Если в сердце ядра живет середина, // Если середина в полоску – ты-да-я, // Если ты для меня – Душа, // я для тебя – Речь // Что же нам недостает?» (здесь и далее подстрочные переводы автора – И. К.). Паронимы «ку» / «середина» – «гу» / «сердце», «псэ» / «душа» – «бзэ» / «речь, язык» имитируют слово «купсэ», анаграмматическую лексему, «...которая членится на значимые для общей смысловой структуры данного стихотворения лексоиды» [3, с. 94]: «кусэ», «псэ», «сэ», и являет тот звукообраз, который выступает ключом к пониманию сборника. Как видим, «сердце» / «гу» заявлено в составе этого звукообраза опосредованно, через паронимию. Но уже в стихотворении «Анэ гушцэ» / «Глубь материнского сердца», открывающем первый цикл, оно обретает полновесность: «Анэ гушцэм – дуней гушцэу // Гышцэр шцегъэхъае, // Шылэ хъару хузэрхъэу // И анэгуу щашэр...» («Къуажэ гупэ джабэм...») [1, с. 5]. / «Глубь материнского сердца подобно вселенской колыбели // Жизнь покачивает, // Кружевным шелковым покрывалом сплетая для нее // Свое рассыпающееся сердце...» («Косогор у окраины села...»). Абруптивный звук «щц» сменяется глухим «щ» и глубь материнского сердца / «гушцэ» предстает

как сакральный, спасительный хронотоп бытия – колыбель / «гушэ». Это – некое первоначало, непостижимая загадка, над которой бьется старик-песнотворец: «Хьы, лыхъужьпысэ ауэ хьуа уфIэщрэ абы къильхуу ипIа си лъэпкъыр! ИтIани, щэхуш абы и гушIэр си дежкIэ, тхэ соIуэ щэху-хушхуэкIэ... згьэфIэнуми субьнуми сьмышIэу» («Къуажэ гупэ джабэм...») [Там же, с. 8]. / «Гм, думаешь случайно обрел героический дух рожденный и возвращенный ею мой народ! И все же, для меня тайна глубина ее сердца, величайшая тайна... неведомо мне, лелеять ее или укорять» («Косогор у окраины села...»). Данное первоначало, которое фигурирует здесь как глубина материнского сердца или материнская душа, справедливо обозначить как архетип праматери, средоточие исконных ценностей, которые противостоят окончательному разрушению этнического духа адыгов. Конечно, образ старика-песнотворца – тоже красноречивая отсылка к аутентичному слою культуры, очерченная в рассматриваемом сборнике очень определенно. Но все же, этот образ имеет подчиненное значение, ведь старик-песнотворец – всего лишь транслятор утраченных ценностей. Женское осмыслено в «Сердцевине» в своей вневременности, как извечное начало, и прошлое – лишь один из его аспектов. Доминирование женского имеет также нравственный подтекст. Как пишет Х. Кирло, «когда женщина предстает в образе души, она оказывается выше мужчины, потому что становится отражением возвышенных и чистых качеств человека. <...> Возможно, именно здесь она появляется в своем самом характерном и вневременном образе Вечной женственности, которая вбирает все ее ипостаси» [4, с. 165].

Характерно, что облик праматери прочитывается лишь в отдельных штрихах, через упоминание героинь эпоса и исторических песен адыгов: Малечипх (которая через свой знаменитый кисет также связана с «историей» человеческого сердца), легендарной Ханифы, которую старик-песнотворец созерцает своим «устремившимся сквозь века сердцем». Ему слышен голос Богини Поэзии / *Усэ-гуащэ*, которая вещает о том, что «– Утонченная глубь материнского сердца // Стихотворной речью разливается, // Крошашегося сердца материнского тревога // Бусинами белыми рассыпается» («Косогор у окраины села...»). / «– Анэгуу плащIэм и гурышIэр // Усэбзэу зэрощэщыр, // Анэгуу щазэм и гурыгъур // Щыгъэхуу зэпошэщыр» («Къуажэ гупэ джабэм...») [1, с. 18]. Как видим, черты, которые характеризуют праматерь, тесно переплетаются друг с другом, создавая, в конечном счете, единый метаморфический образ. Так, материнская душа, оказавшаяся свидетельницей смены эпох, «стихи слагает», стихотворным языком в минуту душевного смятения излагает свои мысли Ханифа, не говоря уже о природной предрасположенности к стихотворству Богини Поэзии и лирической героини Б. Аброковой. Лирическая героиня, в свою очередь, приходит к осознанию своей оберегающей роли через материнскую ипостась. На краю пропасти она слышит отрезвляющий голос, напоминающий ей о материнском предназначении, («– Адыгэ бзыльхугъэ, лъхуэн-пIэнкIэ сьпхуейщ» («Лъэс лъагъуэм си закъуэ сьтету срукIуэ...») [Там же, с. 20]. / «Адыгская женщина, ты нужна мне, чтобы рожать и воспитывать» («Иду по тропе одиноко...»)), она объемлет мир своей материнской любовью и по-матерински прощает его («Уэшх къошх» / «Идет дождь»).

Символично, что оттесненные современностью этнические ценности просматриваются также через очертания женского национального костюма, при этом лирическая героиня предстает ребенком, наблюдающим удивительные смыслы в колытании старинного одеяния: «Нанэ и фашэм // Гуащэу зигъазэт, // Сьхуэмьгъасэм // Гусэт Iэдийр. // Дадийуэ щIыпщIу // Абы и тхэмпэ // ТещIыхьа тхьпхъэр // ТхъэрыкI нэбийт» («Нанэ и фашэ»). / «Платье наны (*бабушки – прим. автора – И. К.*) // Со статью княжны поворачивалось (в танце), // Если не удавалось (меня) обучить, // Опечаливался локоть. // Красиво переливающийся // На его нарукавнике // Вышитый орнамент // (Это) луч, божественной рукой сотворенный» («Платье наны») [Там же, с. 23]. Ранее на материале адыгской поэзии нами уже было показано, что «лишь в контексте женского одеяния наблюдается сопоставление / противопоставление прошлого и современности» [2, с. 91], семантика же мужского костюма в этом отношении проявляет себя более статично. Тот же принцип выдерживается и в «Платье наны»: транслируемая им семантика возвышенного, божественного, косвенно трактуется здесь как утраченная, поскольку раскрывается она в атмосфере сна, а явь (т.е. современность) констатирует их недостижимость.

Подводя итог, отметим, что среди образов, которые восходят в сборнике Б. Аброковой «Середина» к архетипу женщины, можно назвать глубину материнского сердца, материнский дух, Богиню Поэзии, поэтическое «Я» автора. О чем бы ни размышлял автор – об истории родного этноса, о проблемах современности, о природе, о поэзии, людских взаимоотношениях – все существует на фоне этой доминанты. Интерпретация женщины-праматери осуществляется через звукопись, графическое оформление текстов «Середины», а также через синтез индивидуализирующих черт персонажей эпоса и исторических песен адыгов.

Список литературы

1. **Аброкъуэ Б.** Купсэ. (Аброкова Б. Середина). Нальчик: Тетраграф, 2011. 110 с.
2. **Кажарова И. А.** Деталь костюма в контексте идеала раннесоветской кабардинской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37). Ч. 2. С. 89-91.
3. **Казарин Ю. В.** Анаграмма как способ смысловыражения в поэтическом тексте // Известия Уральского университета. 2000. № 17. С. 92-99.
4. **Кирло Х.** Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
5. **Токмакова М. Х.** Место лексико-семантической системы в кабардино-черкесской художественной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46). Ч. 2. С. 193-195.

ARCHETYPE OF A WOMAN IN THE COLLECTION OF POEMS "THE MIDDLE" BY BELLA ABROKOVA

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches
barsello@rambler.ru

In the article the author studies the aspects of interpretation of the archetype of a woman by the material of some works of the collection of poems "The Middle" by Bella AbrokoVA. The interpretation of a woman-foremother is made through tone-painting, lexical-semantic and graphic peculiarities of the considered text, as well as through synthesis of individualizing features of the characters of the epic and historical songs of Adyghe people.

Key words and phrases: poetic cycle; archetype of a woman; woman-foremother; tone-painting; sound pattern.

УДК 316.772.5

В статье рассматривается влияние новых медиа на трансформацию коммуникационных процессов в современном информационном обществе. Приводя различные трактовки термина «конвергентные СМИ», авторы раскрывают основные характеристики этого феномена, обусловившие новые тенденции в развитии современной журналистики. Обращается внимание на изменение роли журналиста и журналистики в целом, обусловленное внедрением в информационное производство компьютерных телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова и фразы: новые медиа; конвергентная журналистика; социальные медиа; информационное общество; интернет-СМИ.

Колосова Алевтина Александровна, к.и.н., доцент
Шнайдер Анна Александровна
Российский университет дружбы народов
koloso-alla@yandex.ru; anshnaider@gmail.com

**НОВЫЕ СМИ КАК СИМВОЛ ТРАНСФОРМАЦИИ
МЕДИАЛАНДШАФТА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

В настоящее время во всем мире наблюдается активная фаза процесса формирования информационного общества. Основные черты этого процесса выражаются в быстром развитии технологий, появлении новых каналов коммуникации, выработке активной гражданской позиции у большей части населения, а также в использовании и внедрении новых коммуникационных платформ. Интернет, в частности появление Web 2.0, способствует облегчению многих процессов, связанных с коммуникацией между людьми. Использование платформ новых медиа расширяет возможности общения, стирает территориальные границы. Главная особенность Интернета заключается в том, что он создает принципиально новую среду коммуникации, по ряду свойств совпадающую, по ряду свойств – дополняющую, а по ряду свойств – альтернативную актуальному социальному пространству [3, с. 94].

Активное вхождение термина «информационное общество» в научное пространство связывают с именем М. Кастельса, который в одном из своих фундаментальных трудов полагал, что информация заменила собой «индустрию», она, как и индустрия, существует и развивается на разных этапах истории общества, но в современных условиях становится структурообразующей основой развития общества. М. Кастельс отмечает также, что ядром такой формы организации общества является не информация, а «сетевая логика его базисной структуры» [12]. Современные исследователи медиапространства, в частности А. Калмыков, дают следующее определение информационному обществу: «информационное общество – это глобальный экономико-политический, антропосоциальный и технологический проект, предполагающий управляемый переход к общественному устройству, при котором доминирующую роль во всех областях жизни будет играть система массовых коммуникаций (СМК), реализованная с помощью компьютерных телекоммуникационных технологий, в частности, технологий интернета» [6, с. 181].

Внедрение новых технологий в производство, хранение и распределение информации средствами массовой коммуникации обусловили появление так называемых новых СМИ. Если к традиционным СМИ принято относить печать, радио и телевидение, то к новым медиа: интернет-платформы; социальные медиа; мобильные PDA (Ipad, Iphone, Android), *e-paper*; онлайн-версии традиционных медиа.

Понятие «новые медиа» возникло в ответ на необходимость обозначить медиапродукцию, которая является интерактивной и распространяется цифровыми методами [4].

Очевидно, что с появлением новых медиа, процессы коммуникации подверглись преобразованиям, которые коснулись всех сфер жизни. Такое достижение в области телекоммуникаций, как появление сети Интернет, стимулирует процесс глобализации, позволяет рассматривать сеть как новое медиаполе, где в преобразованном виде происходят процессы коммуникации. Новые технологии изменили процессы коммуникации – актуализировали вопрос о свободе СМИ.